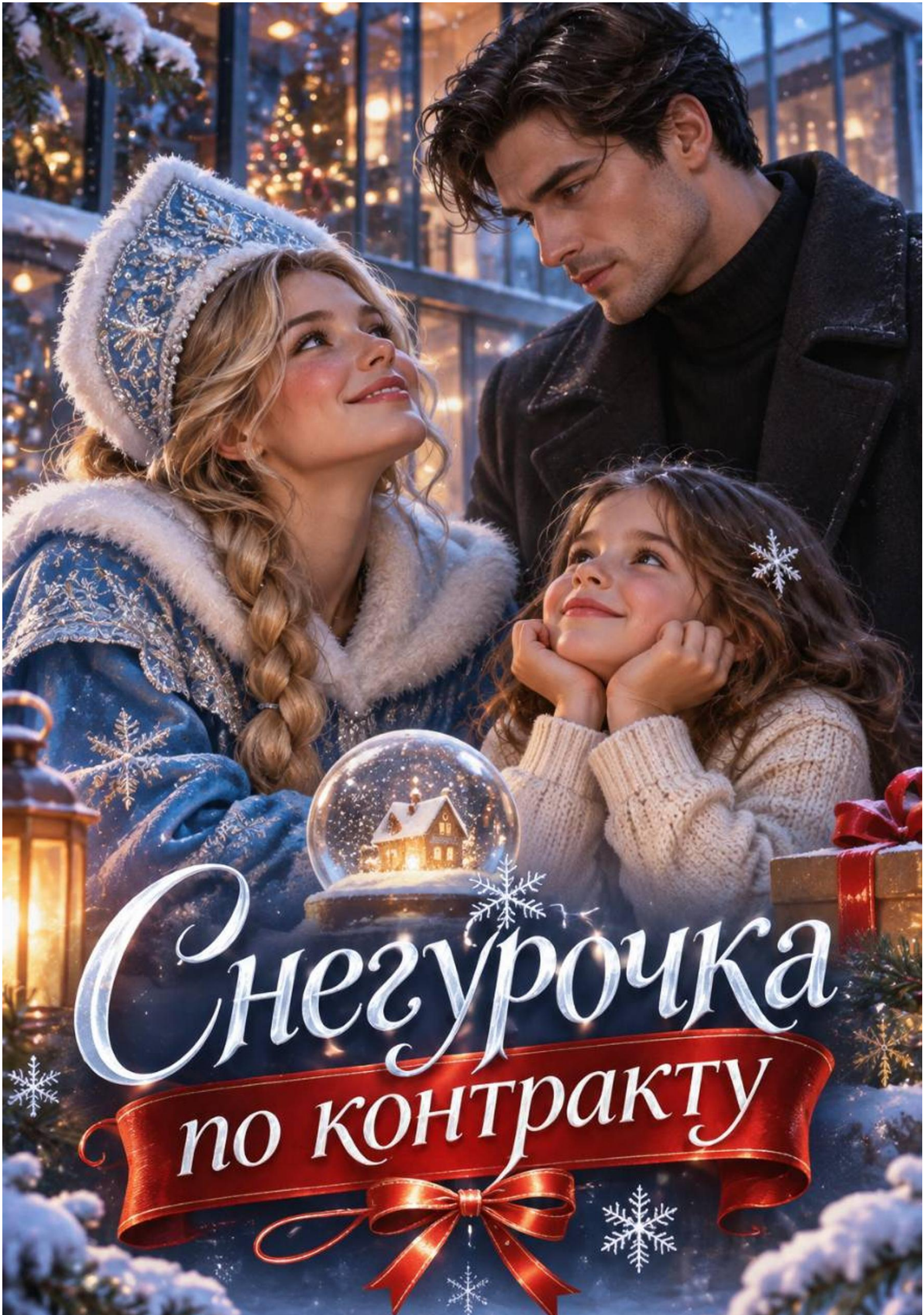

Снегурочка
по контракту

Руслан Куликов

Снегурочка по контракту

«Автор»
2026

Куликов Р.

Снегурочка по контракту / Р. Куликов — «Автор», 2026

Варе позарез нужны триста тысяч, иначе её бесплатную детскую театральную студию выставят на улицу сразу после праздников. Поэтому она подписывает самый странный контракт в своей жизни: десять дней до Нового года жить в чужом стеклянном доме и ни на минуту не выходить из образа Снегурочки.Её единственная зрительница — шестилетняя Соня, которая перестала верить в чудеса и разговаривает только с Дедом Морозом. Заказчик — Марк Ветров, сухарь, который распечатывает правила, запрещает ставить ёлку и, как выясняется в первый же вечер, сносит тот самый ДК, где живёт Варина студия.Правило номер два: ничего не обещать ребёнку. Варя нарушает его на второй день и обещает невозможное — вернуть Сонину маму с полярной станции к бою курантов.Тёплая и смешная новогодняя история о том, что чудо — это обещание, которое кто-то решил сдержать.

© Куликов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кастинг для одной зрительницы 5
Глава 2. Правила для снежной девушки 12
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Руслан Куликов
Снегурочка по контракту

Глава 1. Кастинг для одной зрительницы

Мешок с подарками весил больше, чем обещали в заявке, и Варя тащила его по ковровой дорожке торгового центра «Волжский пассаж», стараясь, чтобы кокошник не съезжал на левый глаз. Кокошник был старый, ещё театральный, с гнутой проволокой внутри, и стоило ей наклониться, как он целился ей в бровь.

— Снегурочка! — завопил кто-то из первого ряда. — Снегурочка, а где Дед Мороз?

— Дедушка паркует сани, — сказала Варя тем голосом, которым в ТЮЗе когда-то играла Красную Шапочку, звонким, на полтона выше собственного. — Олени у него с характером. Один всё время норовит встать на место для инвалидов.

Родители засмеялись. Дети не поняли, но засмеялись тоже, потому что смеялись взрослые.

Дед Мороз, Гена Пряхин, в миру водитель маршрутки, вышел из-за фанерной избушки, поправляя ватную бороду. От него пахло луком и мятной жвачкой одновременно. Гена был надёжный: не пил на работе, знал наизусть три стихотворения Михалкова и умел держать паузу. Варя ценила в партнёрах паузу больше всего.

Утренник шёл по сценарию, который менеджер ТЦ Олеся прислала накануне в половине двенадцатого ночи: хоровод, загадки, конкурс «Кто быстрее оденет снеговика», раздача подарков. Сценарий занимал полторы страницы, и половину из них занимала реклама.

— Ребята, — читала Варя по бумажке, спрятанной в рукавице, — а знаете ли вы, что в «Волжском пассаже» с двадцатого декабря по десятое января действуют скидки до сорока процентов на всю детскую обувь?

Дети не знали. Им было всё равно. Девочка в розовом комбинезоне тем временем сосредоточенно облизывала перила.

Варя сунула бумажку поглубже и перешла к хороводу.

Неприятность случилась на подарках. Олеся, в красном свитере с оленями и с планшетом у груди, стояла возле мешка и сверяла фамилии. Дети подходили, получали пакет с логотипом ТЦ, говорили «спасибо» или не говорили и уносились к родителям. Очередь таяла. В конце её стоял мальчик лет пяти в куртке, явно доставшейся от старшего брата: рукава закатаны дважды. Рядом с ним никого не было.

— Фамилия? — спросила Олеся.

Мальчик молчал.

— Чей это ребёнок? — Олеся обернулась к залу. — Мамочки, папочки?

Из глубины атриума, от фонтана, отозвалась женщина с тележкой, полной коробок. Она работала здесь же, в отделе бытовой химии, и выбежала на минуту посмотреть на сына. Билет на утренник стоил тысячу двести. Билета у мальчика не было.

— Подарки только по списку, — сказала Олеся вполголоса, но микрофон у Вари висел на груди, и динамики разнесли это по всему залу.

Мальчик не заплакал. Это было хуже. Он просто кивнул, как кивают взрослые, когда им отказывают в кредите, и пошёл к матери.

Варя присела на корточки. Кокошник съехал окончательно.

— Подожди, — сказала она. — Ты стихотворение знаешь?

Мальчик остановился.

— Про ёлку. Только короткое.

— Короткие — самые трудные. Читай.

Он прочитал, глотая окончания, четыре строчки про ёлку, которой холодно зимой. Атриум затих. Гена, умница, стукнул посохом в пол, и Варя полезла в мешок.

— Варвара, — сказала Олеся. Не микрофонным голосом, а настоящим, ледяным. — Это подарки для оплаченных.

— Вот этот мой, — ответила Варя и вытащила пакет. — Вычтите из гонорара.

Она отдала пакет мальчику. Родители захлопали, кто-то снимал на телефон. Олеся улыбнулась той улыбкой, которой улыбаются, когда всё уже решили.

Через двадцать минут, в подсобке за отделом постельного белья, Олеся протянула ей конверт.

— Здесь за сегодня. Минус подарок. — Она постучала планшетом по ладони. — Завтрашние три утренника отдаю другой Снегурочке.

— Олеся, у ребёнка не было…

— У ребёнка есть мать, которая работает в моём ТЦ и знает, что утренник платный. Я не благотворительный фонд, Варвара. У меня план.

Варя открыла рот, чтобы ответить чем-нибудь из «Горя от ума», и закрыла. Монологи хороши, когда их пишет Грибоедов. Когда сочиняешь сама, выходит «да пошли вы», а Олеся была заказчиком агентства, а агентство было единственным, что ещё платило.

Гена ждал её у служебного выхода, уже без бороды, похожий на усталого моржа.

— Ну ты дала, — сказал он с уважением. — Олеська тебя теперь в чёрный список внесёт. И Эльвире напишет.

— Пусть пишет.

— Тебе ж за студию платить.

Варя не ответила. Телефон в кармане шубки завибрировал, словно подслушивал. Сообщение было от Зинаиды Петровны, директора ДК «Звёздочка»:

«Варенька, бухгалтерия опять звонила. До 10 января 300 т. за аренду или освобождаем зал. Прости, я ничего не могу. Новый собственник торопит».

Новый собственник. Три недели назад ДК, который сорок лет принадлежал городу, продали с торгов фирме с названием из трёх латинских букв. Фирма тут же подняла аренду в шесть раз. Студия «Синяя птица», двенадцать детей от семи до одиннадцати лет, бесплатно, по вторникам и четвергам, внезапно стала стоить столько, сколько Варя зарабатывала за полгода.

Телефон завибрировал снова. Теперь звонили.

— Синицына, — сказала Эльвира Кравец так, будто фамилия была диагнозом. В трубке хрустело: она разгрызала леденец. — Олеся мне уже всё скинула. С видео. Ты в курсе, что тебя снимали с трёх ракурсов?

— Эльвира, я…

— Не надо. Я не ругаться звоню. — Хрум. — Ты где сейчас?

— У «Пассажа».

— Отлично. Через сорок минут у меня. Есть задача под тебя. Нестандартная. По деньгам закроешь свой ДК, и ещё на мандарины останется.

Агентство «Чудо под ключ» занимало две комнаты над стоматологией на улице Свободы, и в приёмной всегда слегка пахло бормашиной. Стены были увешаны фотографиями чужих праздников: свадьбы, выпускные, корпоративы, пираты на детском дне рождения. Варя узнавала на снимках себя в пяти разных париках.

Эльвира сидела за стеклянным столом, тонкая, в чёрном пиджаке, с ногтями цвета клюквы. Один ноготь мерно стучал по экрану телефона, как метроном.

— Садись. Чай не предлагаю, у меня через двадцать минут клиент. — Она развернула к Варе ноутбук. — Читай.

Документ назывался «Договор оказания услуг по созданию праздничной атмосферы (длительный формат)». Варя пролистала. Срок — с 21 по 31 декабря включительно. Место — Ярославский район, посёлок Ельники. Проживание — по месту оказания услуг. Вознаграждение — триста тысяч рублей, половина авансом.

Варя перечитала цифру. Потом ещё раз, по слогам, как читают первоклассники.

— Это что, круглосуточно?

— Это с проживанием. — Хрум. — Клиент — частное лицо. Дома у него девочка шести лет. Мама девочки в длительной командировке, далеко, связи почти нет. Ребёнок в стрессе, толком не ест, со взрослыми не разговаривает. Психологов уже было два. Клиенту нужна Снегурочка. Настоящая. На десять дней.

— Настоящих не бывает.

— Вот поэтому я звоню тебе, а не Кристине. — Эльвира откинулась в кресле. — Кристина держится в образе до первого перекура. А ты в своём ТЮЗе так играла Бабу-Ягу, что одна моя клиентка до сих пор вспоминает. Ты уходишь в роль с головой. Тут нужно именно это.

Варя не знала, обидеться или польщённо промолчать. Выбрала читать дальше.

Пункт 4.2: «Исполнитель находится в образе Снегурочки в присутствии Ребёнка без исключений, в том числе в случае прямых вопросов Ребёнка о подлинности образа».

Пункт 4.5: «Исполнитель не даёт Ребёнку обещаний, выполнение которых не зависит непосредственно от Исполнителя».

Пункт 4.7: «Исполнитель не разглашает сведения о Заказчике, его семье, имуществе и деловой деятельности».

— А кто заказчик?

— Узнаешь на месте. — Эльвира пожала плечами. — Нормальный мужик. Сухарь, но платит вперёд. Ты, главное, с ним не спорь. Он этого не любит.

— Я ни с кем не спорю.

Эльвира посмотрела на неё поверх ноутбука, и Варя вспомнила про три ракурса.

— В «Пассаже» был особый случай, — сказала она.

— У тебя каждый случай особый. — Ноготь замер над экраном. — Подписываешь? Машина за тобой через час. Костюм бери свой, наш синий ты в прошлый раз прожгла.

— Его прожёг бенгальский огонь.

— Который держала ты.

Варя ещё раз посмотрела на цифру. Триста тысяч. Двенадцать детей. Тимоха Блинов, который третий месяц учил роль Кощея и требовал, чтобы ему разрешили умирать подольше. Зинаида Петровна, которая написала «прости», хотя ни у кого и никогда не просила прощения.

Она подписала. Ручка у Эльвиры была тяжёлая, с гравировкой какого-то банка.

— Умница. — Эльвира захлопнула ноутбук так быстро, будто это была мышеловка. — Аванс упадёт завтра утром. И, Синицына… — Она сунула в рот новый леденец. — Там правда сложный ребёнок. Не облажайся.

Машина пришла через час и десять минут: чёрный внедорожник с тонированными стёклами и молчаливым водителем, который за всю дорогу произнёс одну фразу: «Ремень пристегните». Варя пристегнула и смотрела, как Ярославль сменяется заправками, заправки полями, а поля ельником, плотным и тёмным, с белыми шапками на верхушках.

Кофр с костюмом лежал у неё на коленях. В кофре была шубка, расшитая стеклярусом ещё театральной костюмершей тётей Фаей, кокошник, белые валенки, накладная коса. Своя коса у Вари была рыжая, до пояса, и в образе она прятала её под капюшон: Снегурочка с рыжей косой вызывала у детей слишком много вопросов, а у родителей слишком мало доверия.

Ельники начинались со шлагбаума и будки охранника. Дальше тянулись дома, каждый за своим забором и каждый в гирляндах. Гирлянды мигали, бегали огоньками, переливались; кто-

то водрузил на крышу светящегося оленя в натуральную величину. В одном дворе надувной Дед Мороз, наполовину сдувшийся, кланялся ветру.

Дом в самом конце улицы не светился вообще.

Он стоял на отшибе, у кромки леса, и был почти целиком из стекла: два прямоугольника, поставленные один на другой со сдвигом, как небрежно сложенные коробки. Внутри горел ровный белый свет. Снаружи не было ни одной лампочки. Ни венка на двери, ни снеговика во дворе. Даже снег у крыльца был вычищен под линейку.

— Приехали, — сказал водитель, и это была его вторая фраза.

Варя вышла. Мороз тут же цапнул её за нос. Переодевалась она ещё в машине, выгибаясь на заднем сиденье под низким потолком, и теперь стояла перед стеклянным домом в полном облачении: шубка, валенки, кокошник, белая коса поверх своей. Кофр с обычной одеждой водитель уже нёс к двери.

Дверь открылась раньше, чем он успел постучать.

На пороге стоял мужчина. Высокий, тёмные волосы коротко острижены, лицо такое, будто его вырезали из дерева и забыли зашкурить. Через левую бровь шёл тонкий белый шрам, отчего бровь казалась удивлённо приподнятой, хотя сам хозяин, судя по всему, не удивлялся ничему. Серая водолазка, серые брюки, босые ноги на тёплом каменном полу. Он оглядел Варю сверху вниз и задержался взглядом на кокошнике.

— Синицына, — сказал он. Не спросил.

— Снегурочка, — поправила Варя. — Из Великого Устюга. Проездом.

Он не улыбнулся.

— Марк Ветров. Заходите. Ребёнок спит. — Он посторонился. — У нас двадцать минут.

Внутри было тепло и пусто. Огромная гостиная, белые стены, серый диван длиной с трамвай, стеклянный стол без единой крошки. Камин, в котором горел не огонь, а что-то электрическое и ровное, как заставка на экране. За окном во всю стену синел вечерний лес.

Ёлки не было. Игрушек не было. На подоконнике не стоял даже кактус.

— Садитесь. — Марк указал на диван, а сам остался стоять. Из кармана он вытащил сложенный вчетверо лист. — Я подготовил правила. Договор вы читали, это уточнения.

— Вы распечатали правила для Снегурочки?

— Я распечатываю всё, что важно. — Он развернул лист. — Первое. Вы в образе всегда, когда Соня может вас видеть или слышать. Даже если она будет кричать, что вы ненастоящая. Она будет.

— Поняла.

— Второе. Вы ничего ей не обещаете. Ни подарков, ни поездок, ни чудес. Ничего, чего не можете сделать сами, своими руками, сегодня.

— А если она попросит…

— Попросит. — Марк поднял глаза от листа. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, и смотрели так, как сканер на кассе считывает штрихкод. — Соня попросит, чтобы мама вернулась к Новому году. Её мама, моя сестра, на полярной станции. Вахта до февраля. Борт туда летает раз в месяц, если позволяет погода. Погода не позволяет. Мама не вернётся. Вы не обещаете.

Варя кивнула. Кокошник качнулся.

— Третье. Режим. Подъём в восемь, отбой в девять. Сладкое после обеда, не до. Мультфильмы — час в день.

— А праздник? — спросила Варя.

— Что «праздник»?

— Ну… — Она обвела рукой гостиную. — Ёлочку будем ставить? Гирлянды? Снежинки на окна? Я могу из бумаги, у меня тридцать видов в репертуаре…

— Ёлку, — сказал Марк.

— Что?

— Не «ёлочку». Ёлку. — Он сложил лист. — И нет, не будем. Ёлка — это мусор, который через две недели осыпается на пол. Гирлянды — пожарная опасность. Соне нужна стабильность, а не декорации.

— Соне нужен Новый год, — сказала Варя. — Иначе зачем вы наняли Снегурочку, а не няню?

Пауза вышла длинной, и Варя, которая на сцене умела держать паузу сколько угодно, в этой почувствовала себя лишней.

— Потому что няня у нас уже была, — ответил Марк. — Соня с ней не разговаривала. С двумя психологами тоже. С моей ассистенткой. Со мной. — «Со мной» он произнёс ровно, будто зачитывал строку из сметы. — Последнее связное, что она сказала, было три дня назад. Что разговаривает только с Дедом Морозом и Снегурочкой. Дед Мороз был занят. Поэтому вы.

Наверху что-то скрипнуло. Потом зашлёпали по ступенькам босые ноги.

Марк обернулся. Варя встала.

На лестнице стояла девочка. Маленькая, худая, в огромном свитере грубой вязки, который доходил ей до колен и висел на плечах, как на вешалке. Свитер был цвета овсянки, с оленями на груди, и одному оленю не хватало рога: на его месте торчала нитка. Светлые волосы после подушки стояли дыбом. К груди девочка прижимала плюшевого зайца без одного глаза.

— Соня, — сказал Марк. — Ты должна спать.

Девочка на него не взглянула. Она смотрела на Варю. Долго, прищурившись, как смотрят на чужую собаку: укусит или нет.

Варя расправила плечи. Голос — тот самый, утренниковый. Руки — мягко, ладонями вперёд.

— Здравствуй, Соня. А я к тебе.

Девочка спустилась на три ступеньки и остановилась.

— Ты ненаштоящая, — сказала она. Двух передних зубов у неё не было, и «с» выходило со свистом, как пар из дырявого чайника.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты приехала на машине. Я видела в окно. Шнегурочки на машинах не ездят.

— Ездят, — сказала Варя. — Когда олени устают. Олени ведь живые, у них копыта. Ты бы хотела бежать от Устюга до Ярославля по снегу?

Соня подумала.

— Это далеко?

— Восемьсот километров с хвостиком.

— А это школько?

— Если идти пешком без остановок, как раз к весне дойдёшь.

Соня спустилась ещё на две ступеньки. Заяц болтался у неё под мышкой.

— А почему у тебя коша рыжая? — Она ткнула пальцем. Из-под белой накладной косы предательски выглядывал рыжий кончик. — Шнегурочка белая. Изо льда.

Марк еле слышно выдохнул. Варя не обернулась.

— Это потому, — сказала она, понизив голос до шёпота, — что я много лет прожила рядом с печкой. У дедушки в тереме печь огромная, вот такая. — Она развела руки, насколько позволяла шубка. — Однажды я села к ней слишком близко. Коса подкоптилась и порыжела. С тех пор так и хожу. Только никому не говори. Это тайна.

Соня молчала. Потом медленно, очень медленно сошла с последней ступеньки и встала напротив Вари, задрав голову. Она была ей чуть выше пояса.

— Я вше равно не верю.

— Правильно, — согласилась Варя. — Не верь. Проверяй. Я тут десять дней пробуду. Успеешь.

Девочка развернулась и пошла наверх. Не побежала, а пошла — медленно, держась за перила и волоча зайца за ухо по ступенькам. На верхней площадке она обернулась.

— Шпокойной ночи, ненаштоящая, — сказала она и исчезла.

Наверху хлопнула дверь.

Марк стоял неподвижно. Потом посмотрел на Варю, и в его взгляде впервые мелькнуло что-то живое.

— Она с вами попрощалась.

— Ну да.

— Она ни с кем не прощается. — Он помолчал. — Ваша комната на первом этаже, за кухней. Ванная там же. Завтрак в восемь.

И пошёл к лестнице, не оглядываясь, словно разговор был документом, который он подписал и убрал в папку.

Комната оказалась маленькой, белой и тёплой, с узкой кроватью и шкафом без вешалок. Варя повесила шубку на спинку стула, кокошник положила на подоконник. За окном стоял лес, а над ним висела луна, круглая и жёлтая, как долька лимона в стакане чая.

Она легла и не уснула.

В десять написала мама: «Ты где? Опять на ночном корпоративе?» Варя ответила: «Работаю в Ельниках, 10 дней, потом расскажу». Мама прислала смайлик с поджатыми губами. Мама считала театр не профессией, а затянувшейся болезнью и ждала, когда дочь выздоровеет и пойдёт в бухгалтерию, как нормальные люди.

В одиннадцать Варя поняла, что хочет пить.

На кухне было темно, только под холодильником светилась синяя полоска. Кран здесь открывался не ручкой, а взмахом ладони, и Варя трижды промахнулась, прежде чем он соизволил выпустить воду. Она выпила стакан, пошла обратно и остановилась.

Из коридора, ведущего к лестнице, падал свет. Дверь в конце была приоткрыта, и за ней кто-то говорил по телефону. Голос Марка, ровный и негромкий:

— Да, Стас. Видел… Нет. Никаких переносов, десятого так десятого… Пусть пишут что хотят. Это культурное наследие только на бумаге, ты здание видел? Там проводка сороковых годов… Да. Утром скину. Всё.

Шаги. Где-то в глубине дома хлопнула другая дверь. Свет в коридоре остался гореть.

Варя постояла. Сейчас она нарушала как минимум пункт 4.7. Или не нарушала: она ведь ничего не разглашала, она просто шла за водой. Вода, правда, была уже выпита. Но дверь стояла открытой, а в театре открытая дверь в декорации всегда означает приглашение для актёра.

Она подошла и заглянула.

Кабинет был таким же белым и пустым, как весь дом. Стол, кресло, стеллаж с папками, корешки подписаны одинаковым шрифтом. Закрытый ноутбук. А посреди комнаты, на отдельном низком столе под лампой, стоял макет.

Макеты Варя видела в театре: художники приносили их на худсовет, маленькие сцены с картонными домиками и бумажными человечками. Этот был другим. Белый пластик, стекло, крошечные деревья из губки. Торговый центр в три этажа, с парковкой и фонтаном перед входом, с фигурками людей, которые несли крошечные пакеты. Над входом тонкими серебряными буквами было выведено: «ТРЦ ЗВЁЗДНЫЙ».

У основания макета лежала табличка: «Ярославль, ул. Гагарина, 14. Девелопер — ВТР Групп».

Улица Гагарина, четырнадцать.

Этот адрес Варя знала так же твёрдо, как собственный номер телефона. Она писала его в заявках на гранты, в объявлениях для родителей, на листовках, которые сама клеила на оста-

новках. «Театральная студия Синяя птица. ДК Звёздочка, ул. Гагарина, 14. Вторник, четверг, 17:00. Бесплатно».

Три латинские буквы. VTR. Ветров.

Она наклонилась ниже. Сбоку от торгового центра, в углу макета, горкой лежали серые пластиковые обломки с крошечной биркой «снос, вывоз». Среди них валялся кусочек картона, раскрашенный от руки: синий фон, белые звёзды, тонкий профиль космонавта в шлеме.

Кто-то сделал миниатюрную копию мозаики «Юность космоса», той самой, что сорок лет смотрела на улицу Гагарина с фасада её ДК. Сделал старательно, тонкой кистью. И положил в кучу мусора.

Наверху скрипнула половица.

Варя выпрямилась так резко, что задела локтем лампу. Лампа качнулась, тень от макета метнулась по стене. Варя поймала её обеими руками и замерла, прислушиваясь.

Шаги наверху прошли и стихли. Дверь. Тишина.

Она выскользнула из кабинета, оставив дверь приоткрытой ровно настолько, насколько та была приоткрыта до неё, и почти бегом вернулась в свою белую комнату. Села на кровать. Посмотрела на подоконник, где лежал кокошник.

Телефон загорелся. Сообщение с незнакомого номера:

«Синицына, аванс отправлен досрочно. Правила вы получили. Напоминаю про пункт 4.7. М. В.»

Варя открыла банковское приложение. Сто пятьдесят тысяч. Ровно половина долга за студию, которую закрывал человек, только что приславший ей эти деньги.

В графе «Отправитель» значилось: «ООО ВТР ГРУПП».

Глава 2. Правила для снежной девушки

— Шнегурочки едят горячее? — спросила Соня, глядя на сковородку. — Ты же рашта-ешь.

Было без двух минут восемь. Варя стояла у плиты в полном облачении, только кокошник сдвинула на затылок, чтобы не мешал, и переворачивала сырники лопаткой с длинной ручкой. Шубку пришлось подпоясать кухонным полотенцем: стеклярус на рукавах норовил окунуться в масло.

— Горячее я не ем, — сказала Варя. — Я на него дую. Смотри.

Она подула на сырник, и тот, как по заказу, перестал шкворчать: сковородку она за секунду до этого сняла с огня. Соня прищурилась, но промолчала.

Холодильник в этом доме оказался таким же, как сам дом: внутри стояли ровные ряды прозрачных контейнеров с наклейками. «Пн, завтрак». «Пн, обед». «Пн, ужин». В контейнере с надписью «Вт, завтрак» лежала серая овсянка, которая на вкус, Варя проверила, была как размокший картон. Творог нашёлся на нижней полке, яйца в дверце. Мука нашлась только после того, как Варя открыла четыре шкафа подряд и в пятом обнаружила нераспечатанную пачку с ценником двухлетней давности.

Марк спустился ровно в восемь. Водолазка на нём была та же серая, но, кажется, другая: на вчерашней у ворота торчала нитка, а эта сидела безупречно. В руках он держал ноутбук и чёрную кружку. Он остановился в дверях кухни и посмотрел на сковородку так, будто нашёл в отчёте ошибку на шесть знаков.

— Это что?

— Сырники, — сказала Варя. — Снежные. По рецепту из Устюга.

— В контейнере была овсянка.

— Овсянку Снегурочки не едят, — вмешалась Соня, не поднимая глаз от тарелки. — От неё жубы шлипаются.

Это была самая длинная фраза, которую Соня произнесла при дяде за три дня. Варя поняла это по тому, как Марк замер. Он поставил кружку на стол, очень аккуратно, без стука.

— У тебя и так двух зубов нет, — сказал он.

Соня не ответила. Она отломила край сырника и принялась его разглядывать, как жука.

Марк выпил кофе стоя, в четыре глотка. Открыл ноутбук, что-то пролистал, закрыл.

— Я в офисе до семи, — сказал он Варе, не глядя на Соню. — Обед в контейнерах. Охрана на въезде, номер на холодильнике. Из посёлка не выходить.

— А в лес?

— Тем более.

Он надел пальто, длинное, угольного цвета, и уже у двери обернулся.

— Соня. Пока.

Соня отломила второй кусок сырника.

Дверь закрылась. Через минуту за окном прошуршал внедорожник, и в доме стало так тихо, что Варя услышала, как гудит холодильник.

— Он вшегда так, — сказала Соня тарелке. — Пока-пока.

Варя хотела спросить, как это «так», но девочка уже слезла со стула и ушла в гостиную, волоча за собой зайца.

До обеда Варя перепробовала весь свой репертуар. Хоровод на одного не получился: Соня сидела на сером диване, поджав ноги под свитер, и смотрела в окно. Загадки она слушала, но отгадывать отказывалась. Игру «Замри — отомри» Варя проиграла сама себе: замерла посреди гостиной в позе цапли и простояла так четыре минуты, пока не поняла, что никто не собирается её размораживать.

— Ладно, — сказала она наконец, садясь на ковёр. — Тогда я поговорю с ним.

Она кивнула на зайца. Заяц полулежал у Сони на коленях и смотрел в потолок единственным глазом, пуговицей от пальто.

— Здравствуйте, уважаемый, — сказала Варя зайцу серьёзно. — Меня зовут Снегурочка. А вас, простите, как?

Заяц молчал. Соня тоже.

— Понимаю. Вы тоже не разговариваете с незнакомыми. Очень разумно. А можно я угадаю? Вы Степан. Нет? Аркадий? Вениамин Петрович?

Уголок Сониного рта дёрнулся.

— Похоже, я угадала. Вениамин Петрович, скажите, а куда делся ваш второй глаз? Вы его проиграли в карты? Обменяли на морковку?

— Его зовут Капитан, — сказала Соня. Резко, как отрезала. — И глаз он потерял в бою.

— В каком?

— С пылешошом.

— С пылесосом, — уважительно повторила Варя. — Страшный противник. У меня был знакомый барашек, так тот вообще лишился хвоста в схватке со стиральной машиной.

Соня посмотрела на неё. Впервые не исподлобья.

— Врёшь.

— Слегка, — призналась Варя. — Хвоста он лишился не весь. Но шрам остался.

Соня отвернулась к окну, но Капитана теперь держала так, чтобы он мог видеть Варю.

В час Варя разогрела «Пн, обед», хотя был вторник, потому что «Вт, обед» оказался рыбой, а Соня, по её словам, рыбу ела «только в шупе и только когда очень грустная». Тушёную курицу она съела наполовину, отодвинула горошек на край тарелки, построив из него забор, и ушла к себе. Варя дала ей десять минут и пошла следом с яблоком на блюдце, вырезанным в форме лебедя. Лебедь был её фирменным номером на детских днях рождения.

Дверь в детскую стояла приоткрытой. Соня сидела на полу спиной к входу и рисовала: на листе росли синие ёлки, огромные, выше дома. Варя кашлянула, но Соня не обернулась.

Детская была единственной комнатой в доме, которая выглядела жилой. Не потому что в ней было уютно: на полу валялись фломастеры, на стуле висели колготки, на кровати сбились в кучу покрывало, подушка и, кажется, ещё один свитер, мужской. Вещи лежали так, будто кто-то пытался обжить эту белую коробку и бросил на полпути.

У стола стояла мусорная корзина. Из неё торчали клочки бумаги в клетку, исписанные крупными печатными буквами.

Варя поставила лебедя на тумбочку. Наклонилась, будто поправить колготки на стуле, и вытащила из корзины горсть обрывков.

«ДЕДУШКА МОРОС», было написано на первом. Буква «з» превратилась в «с», и Варя услышала, как девочка выговаривала это слово, медленно, по слогам, шипя на конце. «Я ВЕСЬ ГОД БЫЛА ХАРОШАЯ», было на втором. Третий клочок был оторван так, что от строчки осталось «НИЧЕГО НЕ ПРАШУ КРОМЕ», а дальше ровный край, будто его отрезали линейкой.

Варя полезла в корзину глубже. Писем было несколько. Одно и то же начало, разный почерк, кривой и старательный: видно было, что писали в разные дни. И каждое обрывалось на одном и том же месте.

— Это не твоё.

Соня стояла в шаге от неё. Фломастер в руке, на щеке синяя полоса.

— Я не хотела… — начала Варя.

— Это не твоё! — Соня выдернула у неё клочки, и половина рассыпалась по полу. — Ты не имеешь права! Ты вообще… ты…

Она не договорила. Губы у неё задрожали, но она их прикусила, развернулась и выбежала из комнаты. По лестнице застучали босые пятки, потом хлопнула входная дверь.

Варя кинулась следом. В прихожей стояли Сонины сапоги, на вешалке висел розовый пуховик. Девочка выскочила в одном свитере.

Снег за порогом лежал рыхлый, ночью насыпало по щиколотку. Сонины следы, маленькие, с отпечатками всех пяти пальцев, вели через двор, мимо гаража, к калитке в заборе, которая выходила прямо в лес. Калитка была открыта. Варя бежала в валенках, придерживая кокошник, и думала только одно: босиком, по снегу, у ребёнка за неделю минус два психолога, а теперь будет ещё и воспаление лёгких.

За калиткой начинались ели. Между ними вилась тропинка, протоптанная кем-то давно и аккуратно. Соня стояла на ней в двадцати шагах и не двигалась.

Перед ней, загораживая тропу, стоял старик.

Он был невысокий и широкий, с охапкой поленьев на руках. Белая борода спускалась ему на грудь, густая, будто не выросла, а нападала, как снег. На голове ушанка с подвязанными ушами, на ногах валенки в чёрных резиновых калошах. Старик смотрел на Соню сверху вниз, и вид у него был такой, словно босые девочки выбегали к нему из леса каждый день, а он всё не привыкнет.

— Эк тебя, — сказал старик. — Босая по снегу. Ты что, морж?

— Я не морж, — сказала Соня. Зубы у неё уже стучали.

— А раз не морж, то марш домой. — Он перехватил поленья поудобнее и посмотрел мимо Сони, на Варю. — Это твоя, что ли, снежная?

— Моя, — выдохнула Варя. Она подхватила Соню на руки, и та, к её удивлению, не вырывалась, только уткнулась ледяным носом ей в шею. Ступни у неё были красные, как гроздь рябины.

Старик кивнул, будто она прошла проверку.

— Аркадий Палыч, — представился он. — Сторожу тут. Вон, — он мотнул бородой в сторону леса, где сквозь ели виднелась низкая бревенчатая сторожка с трубой, — моя резиденция.

— А я Снегурочка, — сказала Варя.

— Вижу, что не Баба-Яга. — Он хмыкнул в бороду. — Кокошник-то у тебя театральный. Проволока гнутая, видать, ещё с прошлого века.

Варя машинально подняла руку к голове. Кокошник действительно сидел криво, и сбоку из-под ткани торчал проволочный ус. Как старик разглядел это за двадцать шагов, она не поняла.

Аркадий Палыч свалил поленья в снег у ближайшей ели. Покопался в кармане ватника и вытащил оттуда варежку. Одну. Красную, толстой вязки, с белым узором из снежинок по краю.

— На-ка, — сказал он и протянул её Соне. — Держи. Для рук, а не для ног, но ноги ей сейчас в тепло надо, а руки ещё пригодятся.

Соня высунула нос из Вариного воротника. Посмотрела на варежку. Взяла.

— А вторая где?

— Вторую сама найдёшь. Когда время придёт.

— А когда оно придёт?

— Когда найдёшь, тогда и придёт. — Старик подобрал свои поленья. — Варежка непромокаемая, учти. Хоть в прорубь суй. Ну, ступайте, ступайте, пока пятки не отвалились.

Он развернулся и пошёл по тропинке к сторожке, неторопливо, переваливаясь, как медведь, который вышел проверить, на месте ли берлога. Варя постояла ещё секунду и понесла Соню домой.

Дома она усадила девочку на кухонный стол, налила в таз тёплой воды и опустила туда красные ступни. Соня шипела, морщилась, но ноги не выдёргивала. Варежку она так и не выпустила из рук.

— Он кто? — спросила Соня, когда ступни из красных стали розовыми.

— Сторож.

— Шторожа такие не бывают. — Соня подумала. — У него борода как у Деда Мороза.

— У многих бывает борода.

— Не такая. — Девочка вдруг вытащила одну ногу из таза, мокрую, и сунула внутрь варежку, прямо в воду. Подержала. Вынула.

Варежка была сухая. Варя видела это отчётливо: ни одна нить не потемнела, вода скатывалась с неё, как с утиного пера.

Соня потрогала варежку щекой. Посмотрела на Варю. Варя пожала плечами, и это было единственное честное, что она могла сейчас сделать.

— Пропитка какая-нибудь, — сказала она. — Сейчас делают такие. Для лыжников.

Соня ничего не ответила, только надела варежку на правую руку, так и не вытерев ноги, и ушла наверх, оставляя на полу мокрые следы.

Остаток дня Варя провела в своей белой комнате, глядя в телефон. Найти «ВТР Групп» оказалось просто: компания была на виду. Новости городского портала, раздел «Бизнес». Месяц назад: «ВТР Групп выкупила здание ДК Звёздочка на торгах». Неделю назад: «На месте ДК построят торгово-развлекательный центр». Под второй новостью висело двести сорок комментариев, и Варя прочитала их все. Кто-то писал, что в «Звёздочке» в восьмидесятом году ходил в кружок авиамоделирования. Кто-то, что давно пора было снести эту развалюху. Какая-то Ирина Блинова, наверное мама Тимохи, написала длинно и без запятых про студию, про детей, про то, что больше в районе нет ничего бесплатного. Ей поставили одиннадцать лайков.

Фотография Марка нашлась в третьей новости, годичной давности: «Девелопер Марк Ветров открыл жилой комплекс на Московском проспекте». Он стоял у красной ленточки с ножницами в руке, в той же серой водолазке, и лицо у него было такое, будто ножницы ему вручили по ошибке.

Варя открыла переписку с Эльвирой. Написала: «Я не могу здесь работать. Это человек, который сносит мою студию». Посмотрела на это. Стёрла. Написала: «Эльвира, верни аванс, я уезжаю». Стёрла и это. Аванс уже лежал на её карте, и если его вернуть, у студии не будет даже половины. А если не вернуть и уехать, по договору выходила неустойка, сумму которой Варя предпочла не пересчитывать.

Она положила телефон экраном вниз. Потом взяла ножницы, которые нашла в ящике кухонного стола, стопку белой бумаги из принтера в прихожей и пошла в гостиную.

Когда Соня спустилась, через полчаса, на стеклянной стене гостиной уже висели двенадцать снежинок. Варя прилепила их на детский пластилин, найденный в детской. Снежинки были разные: с ажурными звёздами, с ёлочками внутри, одна в форме оленя, вписанного в шестиугольник. Варя вырезала их, сидя на полу, и на ковре вокруг неё лежали белые обрезки, будто здесь прошла маленькая метель.

Соня остановилась на последней ступеньке. На руке у неё по-прежнему была красная варежка.

— Это нельзя, — сказала она. — Дядя Марк не разрешает.

— А мы у него не спросим. — Варя протянула ей ножницы ручками вперёд. — Хочешь?

Соня подумала. Потом подошла и села рядом, на расстоянии вытянутой руки. Взяла лист. Сложила его пополам, потом ещё раз, неровно. Ножницы держала левой рукой, в варежке, и резала долго, сосредоточенно, высунув кончик языка в дырку между зубами. Когда она развернула лист, снежинка получилась кривая, с одной огромной дыркой посередине и тремя маленькими по краю.

— Плохо, — сказала Соня.

— Это лучшая снежинка в доме, — сказала Варя и прилепила её в самый центр стены, на уровне Сониных глаз.

Марк вернулся в семь двадцать. Варя услышала машину и успела подумать, что двадцать минут опоздания для человека, который распечатывает правила, равны примерно двум суткам у нормальных людей. Он вошёл, снял пальто, сделал три шага в гостиную и остановился.

Снежинок на стене было уже двадцать шесть. Варя не стала их снимать. Она стояла у плиты, где грелся «Вт, ужин», котлеты с пюре, и смотрела, как Марк разглядывает стену. Соня была в ванной, мыла руки: Варя слышала, как она поёт там что-то без слов, на одной ноте.

— Я вчера сказал, — проговорил Марк, не оборачиваясь, — никаких декораций.

— Это не декорации. Это бумага.

— Это декорации из бумаги.

— Это двадцать шесть листов из вашего принтера. Я посчитала, вы не обеднеете.

Он обернулся. Шрам на брови стал как будто белее.

— Дело не в бумаге.

— А в чём?

— В том, что через неделю вы уедете. — Он говорил тихо, чтобы не слышала Соня, и от этого слова звучали жёстче. — Получите вторую половину гонорара и уедете. А снежинки останутся. И она будет на них смотреть. Каждый день.

— И что в этом плохого?

— То, что вещи, которые остаются после людей, хуже, чем ничего.

Варя открыла рот и закрыла. Это было сказано так, будто он долго носил эту фразу в кармане и наконец нашёл, куда её положить.

— Вы про снежинки сейчас, — спросила она, — или про кого-то конкретного?

— Я про то, что в договоре написано «не давать обещаний». — Он кивнул на стену. — Это обещание. Праздник — это обещание. Ёлка, гирлянды, вот это всё. Вы показываете ребёнку, что будет хорошо, а потом…

— А потом бывает хорошо, — перебила Варя. — Иногда. Вы пробовали?

— Не перебивайте.

— А вы не говорите как бухгалтер.

Из ванной донёсся плеск, потом скрип двери. Оба замолчали одновременно, как заговорщики. Соня вышла в коридор, вытирая руки о свитер, хотя на крючке висело полотенце, и посмотрела на них по очереди.

— Вы ругаетесь?

— Нет, — сказали они хором.

Соня перевела взгляд на стену. Потом на Марка.

— Это я вырезала, — сказала она и показала пальцем в варежке на кривую снежинку в центре. — Вон ту. Ш дыркой.

Марк посмотрел на снежинку с дыркой. Варя видела, как у него дёрнулся кадык.

— До тридцать первого, — сказал он наконец, обращаясь к Варе. — Тридцать первого вы их снимете.

— Тридцать первого — это Новый год. Их снимают после.

— Тридцать первого, — повторил он и ушёл мыть руки.

Ужинали втроём, впервые. Стол в кухне был длинный, человек на восемь, и сели они так, будто их рассадил кто-то, не знакомый с правилами этикета: Марк во главе, Соня сбоку, Варя напротив Сони. Котлеты из контейнера были неплохие. Пюре было безвкусное, и Варя посолила его трижды.

Соня ела медленно. Варежку она не снимала, держала вилку прямо в ней, и котлета то и дело норовила соскользнуть.

— Сними варежку, — сказал Марк.

Соня не услышала. Она повернулась к Варе.

— Шпроси у него, почему он не ешт хлеб.

Варя замерла с вилкой у рта. Марк тоже. На тарелке у него действительно не было хлеба, хотя корзинка стояла рядом, у его локтя.

— Соня спрашивает, — сказала Варя, поворачиваясь к Марку и делая вид, что переводит с иностранного, — почему вы не едите хлеб.

Марк посмотрел на неё, потом на Соню, потом снова на неё.

— Скажите ей, — медленно проговорил он, — что я не ем хлеб вечером.

— Дядя Марк не ест хлеб вечером, — сообщила Варя Соне.

— Шпроси почему.

— Почему?

— Потому что это лишние углеводы.

Варя повернулась к Соне.

— Говорит, что хлеб его не любит.

— Я этого не говорил.

— Он сказал, — продолжила Варя, не обращая внимания, — что однажды батон обиделся на него за то, что дядя Марк его слишком долго жевал. С тех пор они в ссоре. Каждый вечер дядя Марк ждёт, что батон извинится первым. Но батон гордый.

Соня прыснула. Звук вышел короткий, как чих, и она тут же закрыла рот рукой в красной варежке. Но смех полез сквозь пальцы, тоненький, свистящий через дырку в зубах, и через секунду она уже хохотала, сползая по стулу и прижимая к груди Капитана.

Марк сидел неподвижно. Вилка в его руке застыла над тарелкой. Он смотрел на хохочущую Соню так, как, наверное, смотрел бы на рухнувший график продаж, если бы тот вдруг взлетел без всякой причины.

Потом он медленно протянул руку, взял из корзинки кусок чёрного хлеба и откусил.

— Мы помирились, — сказал он Соне. Напрямую, без перевода.

Соня перестала смеяться и посмотрела на него из-под стола, куда успела сползти почти целиком. Ничего не ответила. Но и не отвернулась.

В девять Варя уложила её спать. Детская к вечеру не стала аккуратнее, только колготки переехали со стула на пол. Соня забралась под одеяло вместе с Капитаном и варежкой и вдруг потребовала сказку.

— Какую?

— Не из книжки. Твою.

Варя присела на край кровати и рассказала про девочку, которая жила в ледяном доме и разучилась разговаривать, потому что все слова у неё замёрзли. Слова лежали у неё во рту, как камушки, холодные и тяжёлые, и чтобы их отогреть, нужно было найти того, кто будет слушать. Варя придумывала на ходу и боялась только одного: что сказка сама приведёт её туда, куда ей идти нельзя.

Соня слушала, глядя в потолок. Когда Варя замолчала, она сказала:

— Ты ведь можешь попросить деда.

— Какого деда?

— Своего. Мороза. Он же главный по чудесам. — Соня повернулась на бок, к Варе лицом. Варежка лежала у неё под щекой. — Мама на Земле Франца-Иошифа. Это шамый-шамый край, дальше только белые медведи. Пушть мама вернётся к Новому году.

Варя молчала.

— Я пишала, — сказала Соня. — Много раз. Но не дописала. Потому что если напишешь, а оно не шбудется, то… — Она не договорила. — Ешли ты попросишь, это шчитается. Ты же внучка.

— Сонечка…

— Только не говори «пошмотрим». — Голос у неё стал совсем тихий. — Вше говорят «пошмотрим». Дядя Марк говорит. Пшихолог говорила. «Пошмотрим» — это значит нет.

В окне за её головой чернел лес. Где-то в нём, Варя знала, дымила труба сторожки. Марк сказал: борт раз в месяц, погода не позволяет, мама не вернётся. Пункт 4.5. Ничего, чего не можешь сделать сама, своими руками, сегодня.

Соня ждала. Глаза у неё были серьёзные, совсем взрослые, и Варя вдруг поняла, что девочка уже приготовилась. Приготовилась услышать «посмотрим», кивнуть и отвернуться к стене, как вчера кивнул мальчик в «Пассаже».

— Обещаю, — сказала Варя.

Соня выдохнула. Протянула из-под одеяла мизинец, и Варя зацепила его своим.

— По-чештному?

— По-честному.

Через пять минут девочка спала, сжимая в кулаке край варежки. Варя выключила ночник и вышла, прикрыв за собой дверь.

В своей комнате она села на кровать, не раздеваясь, и открыла поисковик. Набрала: «полярная станция вертолёт декабрь». Потом стё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.